

Humanitas

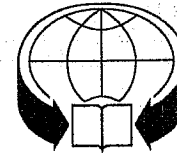
Лев Толстой:
философская
перспектива

Серия основана в 1999 г.

В подготовке серии принимали участие ведущие специалисты
Института научной информации по общественным наукам,
Института философии
Российской академии наук

Институт научной информации по общественным наукам РАН
Институт философии РАН
Государственный музей Л.Н. Толстого

ИНИОН РАН

Государственный музей
Л.Н. Толстого

ИНСТИТУТ
ФИЛОСОФИИ
РАН

Лев Толстой: философская перспектива

Центр гуманитарных инициатив
Москва-Санкт-Петербург
2022

Главный редактор и автор проекта «Humanitas» С.Я. Левит
Заместитель главного редактора И.А. Осинская

Редакционная коллегия серии:

Л.В. Скворцов (председатель), Е.Н. Балашова, В.Д. Губин,
Б.Л. Губман, А.Л. Доброхотов, Д.В. Ефременко, Г.И. Зверева,
А.Н. Кожановский, И.В. Кондаков, М.П. Крыжановская, Л.А. Микешина,
Ю.С. Пивоваров, И.И. Ремезова, А.К. Сорокин, П.В. Соснов, Г.В. Хлебников

Составители и ответственные редакторы

Н.А. Касавина, Ю.В. Прокопчук

Рецензенты:

А.А. Кара-Мурза, д-р филос. наук, профессор, руководитель сектора
философии русской истории Института философии РАН
Е.В. Бессчетнова, канд. филос. наук, старший научный сотрудник Школы
философии и культурологии НИУ ВШЭ

Серийное оформление: П.П. Ефремов

Л 34 Лев Толстой: философская перспектива / сост., отв. ред. Н.А. Касавина,
Ю.В. Прокопчук. — М.: СПб.: Центр гуманитарных инициатив, 2022. —
308 с. (Серия «Humanitas»).

Внимание читателей предлагается книга, составленная по итогам работы семинара Института философии РАН и Государственного музея Л.Н. Толстого «Философия в литературе. Литература в философии. Путь, проложенный Львом Толстым» (руководители проекта: Н.А. Касавина, Ю.В. Прокопчук). Авторы текстов — ученые разных специальностей гуманитарного профиля — представляют свой взгляд на мировоззрение и творчество Толстого, предлагают толкование их современного звучания. Наследие классика рассматривается в неразрывной связи с мировой философской мыслью, историей отечественной и зарубежной культуры. Издание адресовано философам, историкам, филологам, религиоведам, широкому кругу читателей, увлекающихся историей русской и мировой философии, литературы, общественной мысли.

Рекомендовано к печати Ученым советом Института философии РАН.

В оформлении обложки использована фотография Л.Н. Толстого,
сделанная К. Буллой в 1908 г.

ISBN 978-5-98712-349-2

© С.Я. Левит, автор проекта «Humanitas»,
составитель серии, 2022

© Касавина Н.А., Прокопчук Ю.В., сост.
и отв. ред., 2022

© Коллектив авторов, 2022

© Центр гуманитарных инициатив, 2022

Предисловие

Внимание читателей предлагается вторая коллективная монография, написанная участниками семинара, который проводится Государственным музеем Л.Н. Толстого совместно с Институтом философии РАН. Первая книга — «Лев Толстой: литература и философия» — вышла в издательстве «Центр гуманитарных инициатив» в 2020 году и вызвала живой интерес у всех, кто неравнодушен к творческому наследию и поискам гения русской и мировой литературы.

Проводя семинар, мы каждый раз убеждаемся в неисчерпаемости Толстого — личности и мыслителя, в своеобразии и универсальности поставленных им проблем, имеющих отношение к широкому спектру современных гуманитарных исследований. Толстого действительно трудно представить в рамках какой-то одной науки, сразу несколько направлений научного знания могут оспаривать привилегию изучать феномен творчества русского мыслителя. В последние десятилетия появилось немало филологических работ, посвященных осмыслению стиля, языка Толстого, проблематики и поэтики произведений классика. На базе Института мировой литературы РАН началось издание 100-томного Полного собрания сочинений Л.Н. Толстого. Отход от основ ленинской концепции изучения творчества писателя привел к поискам новых подходов и методов его понимания и исследования. Чрезвычайно важную роль в осмыслении наследия Толстого как личности и мыслителя стал играть анализ его философских и публицистических произведений, дневников, писем.

Толстой был не только одним из крупнейших писателей дореволюционной России — он являлся знаковой фигурой эпохи, привлекавшей внимание современников. Толстой был крупнейшей исторической личностью, он отзывался на все важнейшие события своего времени, был тем человеком, к мнению которого прислушивались во всем мире. Изучая его творчество, можно познать целую эпоху. Собственно, писатель и сам своей личностью и творчеством объединил сразу несколько эпох русской истории и куль-

с духом сочинений Руссо, Вольтера, стал для Толстого вдохновляющим стимулом, парадигмой самосовершенствования. В последний год жизни Толстого в его библиотеке появилась книга Дж. Фелса: Fels, Joseph. Franklin and freedom / An address by Joseph Fels to the «Poor Richard» Club of Philadelphia. Jan. 6-th, 1910. Cincinnati (O), 1910. Ее он получил, вероятно, от одного из своих американских единомышленников, возможно, Болтона Холла. Мысли Франклина, которые приводит автор в главах «О войне и мире», «О земельном вопросе», «О едином налоге», чрезвычайно созвучны толстовским, сама проблематика глав говорит о вопросах, волновавших Толстого на протяжении всей его жизни.

Список литературы

- Гусев, 1954 — Гусев Н.Н. Лев Николаевич Толстой. Материалы к биографии. М.: Изд-во Академии наук СССР, 1954—1970. Т. 1. 1954.
- Толстой, 1928—1958 — Толстой Л.Н. Полное собр. соч.: в 90 т. М.; Л.: Худож. литература, 1928—1958.
- Эйхенбаум, 1922 — Эйхенбаум Б.М. Молодой Толстой. Петроград; Берлин: Изд-во З.И. Гржебина, 1922.
- Maggs, 1985 — Maggs B.W. The Franklin-Tolstoy influence controversy // Proceedings of the American Philosophical Society. 1985. Vol. 129. Sept.
- Sokolow, 1975 — Sokolow J.A. «Arriving at moral perfection»: Benjamin Franklin and Leo Tolstoy // American Literature. Durham (N.C.): Duke University Press, 1975.
- Walsh, 1979 — Walsh H.H. On the putative influence of Benjamin Franklin on Tolstoy // Canadian-American Slavic Studies. 1979. Vol. 13. № 3.

К.В. Ворожихина

Лев Шестов о вере Льва Толстого

Творческий путь Льва Шестова проходил от народничества к религиозной философии. В своих ранних статьях 1895—1900 годов, опубликованных в газетах «Жизнь и искусство» и «Киевское слово», будущий философ выступает как литературный критик, близкий по духу к деятелям 1860-х годов, проповедующим гуманизм и любовь к человеку, и как журнальный обозреватель, пишущий на юридические и социально-экономические темы.

Толстой в газетных публикациях Льва Шестова

Впервые Лев Шестов (тогда еще — Шварцман) пишет о Л.Н. Толстом в журнальном обозрении «Идеализм и символизм “Северного вестника”», опубликованном в киевской газете народнического направления «Жизнь и искусство». В статье Шестов высоко оценивает деятельность народников, публиковавшихся в «Северном вестнике» Н.К. Михайловского, и резко критикует новую — декадентскую — направленность журнала. Особенно восторженно он пишет о Толстом, во всем противопоставляя писателя новому руководителю журнала А.Л. Волынецкому — жесткому критику Н.А. Добролюбова, Н.Г. Чернышевского и Д.И. Писарева: «Граф Толстой ищет правды... учит Евангельскому учению... выражает простые и ценные мысли сильным и смелым языком... на самом деле не смиряет своих требований ни перед чем, открыто указывает на язвы современного общества, смело бичует неправду. Он честно и смело проповедует Евангелие, не как мистическую книгу, а как возмеченное нам свыше учение о любовном отношении к людям. В его проповеди нет и следа мистики. Ему незачем обращаться к символам и произносить таинственные слова. Он видит, что сильные обижают слабых,

и напоминает нам заповедь Христа: «люби ближнего, как самого себя»¹. Он учит людей жить для добра и для ближнего» [Читатель <Шестов Л.>, 1896 а, с. 2]. Здесь же Шестов пишет о христианстве: «Нет ничего более жизненного, близкого к действительности, чем учение Христа. Мистического в нем нет и следа. Спаситель учил жить на земле, понимать земную жизнь» [там же, с. 2]. Возможно, именно Толстой приводит философа к Библии как единству Ветхого и Нового Завета.

Когда В. С. Соловьев разворачивает в трактате «Оправдание добра» критику Толстого, Шестов как будто принимает сторону последнего. В своей статье-рецензии, посвященной главе из книги Соловьева, Шестов резко критикует положения философа о том, что война — явление необходимое и даже полезное, поскольку она имеет важное значение для развития культуры, и о том, что война не является убийством [см.: Черный <Шестов Л.>, 1895, с. 2]. Шестов упрекает автора «Оправдания добра» в «поразительном бессердечии». В другой статье [Читатель <Шестов Л.>, 1896 б, с. 2], посвященной трактату Соловьева, Шестов подвергает разбору тезисы Соловьева о том, что право является минимумом нравственности, и что Евангелие несет в себе основы права. Шестов, изучавший юриспруденцию в университете и получивший степень кандидата прав, утверждает, что право и христианство имеют совершенно различные истоки: христианство основано на любви, право — на начале противоположном ей. Исторически право было создано язычниками для защиты земных благ, в то время как Христос учил о том, что нужно искать Царствия Божия и правды Его. Как считает Шестов, история показывает нам, что изначально право и христианство находились в столкновении: первые христиане были жертвами «ужасного и бессердечного» римского права. И, заключает Шестов, право является не минимумом нравственности, но напротив, максимизирует зло в истории.

Несмотря на свое народническое прошлое, на то, что ранние статьи и рассказы Шестова имели политическое звучание и были направлены на пробуждение общественного сознания, со временем он отказался от пропаганды каких-либо политических идей. О «перерождении убеждений» и о том, как человек отказывается от своих прежних идеалов, он рассказал в книге «Достоевский и Ницше (философия трагедии)» (1903). Пересмотрев народнические идеи, Шестов во имя по-новому осмысленного им гуманизма становится апологетом подполья и эгоизма; он начинает разоблачать идеализм

¹ Ср.: Мф: 22:39.

и нравственность как лицемерие и ложь, а его философия становится философией трагедии. Шестов утверждает мысль о том, что идея всеобщего счастья — красивая выдумка, и если человек видит свою задачу в строительстве «Царства Божьего» на земле, то все погибло: благоденствием будущего зачастую оправдываются бедствия и преступления настоящего.

Метод Льва Шестова

Шестов выработал свой метод и свою герменевтику, не похожую на подходы его предшественников — критиков 1860-х годов: его интересуют не идеи, а личности исследуемых им писателей. Шестов стремится раскрыть потаенные смыслы, психологические подтексты и основания философских доктрин и учений, сокровеннейшее в духовном и жизненном опыте тех, кого можно назвать его интеллектуальными собеседниками.

Однако при этом, по замечанию Н. А. Бердяева, Шестов не интересуется «многообразием индивидуальных душ», а все его герои похожи друг на друга и переживают одну и ту же трагедию, перед которой бессильны общественные переустройства и которую, согласно Шестову, нужно принять и понять. Таким образом, ему присущ «психологический схематизм», искусственно упрощающий сложные индивидуальности исследуемых им мыслителей; как результат — философ впадает в «столь ненавистные для него отвлечения и обобщения» [Бердяев, 2016, с. 85]. Личности, о которых пишет Шестов, сложнее и многограннее.

Метод, который использует Шестов при анализе текстов, — «странствование по душам» мыслителей, близких философу, — прежде всего, тех, которые пережили безнадежность, отчаяние, безумие, даже смерть, и этот опыт лег в основу их «переоценки ценностей», «перерождения убеждений». Шестов видел свою задачу в восстановлении траектории внутренней жизни исследуемого философа, прояснении того, как преломлялся пережитый мыслителем опыт в его произведениях. Шестов «борется с очевидностями» восприятия и интерпретации идей мыслителей; по его мнению, в произведении можно выделить два голоса: рациональный, приводящий доводы и аргументы, этот голос говорит то, что хочет сказать автор; второй — эмоциональный, срывающийся на крик, который раскрывает истину пережитого, экзистенциальную истину, которую сам автор не знает о себе. Шестов указывает на внутреннюю борьбу личности, ее двойственность и расколотость, проявляю-

щиеся в двухголосии текста и возникающие из-за несоответствия между человеком и его убеждениями, между поступками и принципами. Такую двойственность Шестов обнаруживает и в личности Толстого.

Толстой — судья

В своей книге «Добро в учении гр. Толстого и Ницше (философия и проповедь)» (1900) Шестов разворачивает критику морали. Он раскрывает трагичность этического и видит его сущность в страхе перед жизнью. Шестов изображает Толстого как ложного учителя и проповедника. Основная черта творчества писателя, считает Шестов, состоит в том, что он предстает перед публикой всегда с готовыми и ясными ответами. Толстой показывает свою *силу*, которую он черпает в добре, всегда оказывающемся на его стороне. Сила добра дает Толстому «*право* смотреть на всех людей сверху вниз и считать, что за него — Бог и против всех его врагов — Бог» [Шестов, 1996 а, с. 233]. При этом добро в разные периоды Толстой понимает по-разному.

Однако, по мнению Шестова, ответы Толстого неубедительны, поскольку в них не содержится истины; настоящей причиной его назиданий является страх и ощущение пустоты, «над которой он воздвиг столь блестящее в литературном отношении здание проповеди» [там же, с. 277]. Писатель, закрываясь от жизни, чувствуя разлад между тем, о чем он говорит, и тем, что в действительности переживает, начинает проповедовать, что означает — делать «выработанное им мировоззрение обязательным для всех людей» [там же, с. 221]. И с высоты своего учения он начинает судить людей.

Так, писатель судит Анну Каренину за нарушение правила — ее ждет отмщение и ей воздает Толстой: Шестов замечает, что «во всей русской, а может быть и в иностранной литературе ни один художник так безжалостно и спокойно не подводил своего героя к ожидающей его страшной участи» [там же, с. 222–223]. Толстой карает Анну «безжалостно и спокойно — с радостью и торжеством» [там же, с. 223]. В «Воине и мире» он произносит суровый приговор над Соней, Наташа Ростова и княжна Марья, «так много умилявшаяся над идеями о добродетелях и потом отнявшая у Сони Николая, обсуждают ее жизнь и приводят текст из Евангелия², которым

² У Толстого: «Имущему дастся, а у неимущего отнимется» (ср.: Мф. 25:29; Лк. 19:26).

ее жалкое положение признается вполне заслуженным» [Шестов, 1996 а]. В этом романе, считает Шестов, — «добродетель *an sich*, чистое служение долгу, покорность судьбе, неумение постоять за себя — прямо вменяются человеку в вину» [там же, с. 225]. Таким образом, Соня и Анна обвиняются Толстым: первая — за то, что она не преступила правила, вторая — за то, что преступила.

Во имя правила, считает философ, Толстой отступает от милосердия и оказывается на стороне «гордой» справедливости и категорического императива. Критик показывает, что Толстой, обожествляя добро и нравственность, приходит к «стремлению уничтожить, душисть, давить других людей во имя какого-либо принципа, который выставляется обязательным» [там же, с. 265]. Писатель хочет наказывать не для того, чтобы оградить общество от опасности, и не затем, чтобы исправить преступника, но во имя принципа — потому что преступление совершено. Особенность добра, подчеркивает Шестов, состоит в том, чтобы, вопреки Евангелию, делить людей на добрых и злых, на друзей и врагов: «Добру нужно зло как объект мщения, а добрым людям — злые люди, которых можно призвать к суду, хотя бы к воображаемому суду совести» [там же, с. 240]. Обыденная нравственность и мораль высокормерны, заключает он.

В своем эссе Шестов показывает, что «немецкий антихрист» Ницше оказывается ближе к Евангелию, чем «русский христианин» Лев Толстой. Ницше исходит из своего трагического опыта — опыта страдания, безумия, вины, и ищет того, что оказывается выше самоутрачивающей добродетели, т.е. ищет Бога. Осознав свою *бесправность*, *бессилие*, он проверяет суверенные *права* добра, и приходит к трагической истине, которая, по мнению Шестова, достигает евангельской духовной высоты. В своей критике христианства он постигает истинную сущность Нагорной проповеди, отвергая только общие места христианского учения. Ницше, по мнению Шестова, был первым из философов, который осмелился бунтовать против требовательности добра; в страдании ему открылась истина, что добро — не есть Бог. В действительности Ницше вскрывает таинственный смысл слов Евангелия о том, что солнце равно всходит над злыми и добрыми³.

Шестов подчеркивает, что, несмотря на то что Толстой постоянно ссылается на Евангелие, «христианского в его учении очень мало» [там же, с. 263]. Писатель напоминает Шестову ветхозаветного пророка, требовательного и нетерпимого, который не убеж-

³ См.: Мф. 5:45.

дает людей, а запугивает: «Делайте то, что я говорю вам, иначе вы будете безнравственными, развратными, испорченными существами» [Шестов, 1996 а]. То, что Толстой называет верой (об истинной вере у Толстого «нигде нет ни слова», считает Шестов), не исключает атеизма: его формула «Бог есть добро» в сущности тождественна ницшевскому «Бог умер». Различие состоит лишь в том, что атеизм Толстого оказывается итогом, конечным результатом, а безбожие Ницше — началом поиска.

В своих книгах Шестов неоднократно обращался к проблеме справедливости и праведного суда, к психологии преступника, которого нужно понять, чтобы «вернуть образ и подобие Божие» [там же, с. 209]. В законах нет любви и милосердия, они свидетельствуют о стремлении к справедливости, однако человеческая справедливость не имеет отношения к божественной. В книге о Шекспире («Шекспир и его критик Брандес», 1898) он пишет о Макбете, ставшем добычей категорического императива, единожды нарушив который он навсегда подвергается нравственной анафеме, что толкает его на дальнейшие злодеяния. Шестов оправдывает нарушившего правило, показывая, что нет такой силы, которая могла бы уничтожить человека, кроме него самого. Шестов в своей философии стремится дать надежду человеку, в том числе отвергнутому законом и моралью. Он считает, что человек себе сам и судья, и закон: «Нет законов над человеком. Все для него: и закон, и суббота. Он мера всех вещей, он призван законодательствовать, как неограниченный монарх...» [Шестов, 1993, с. 180]. «Величайшей реальностью» для Шестова обладает лишь тот суд, который ждет человека по ту сторону истории, который не знает «ни норм, ни законов, для него нет правосудия, пред ним все виноваты, и особенно тяжело виноват тот, кто подчинялся законам и в добровольном подчинении законам видел свою добродетель» [там же, с. 135]. — и это Страшный суд человека над самим собой, над миром и Богом, единственным «законом» для которого является заповедь «человек есть мера всех вещей».

В сочинении «Добро в учении гр. Толстого и Ницше» Шестов дает жесткую этическую отповедь Толстому, колеблясь между морализмом и имморализмом. Он становится судьей, вынося писателю суровой приговор в лицемерии, гордыне, высокомерии, — в пороках, противоречащих евангельскому духу. В дальнейшем акценты в творчестве Шестова меняются, и он открывает подпольное измерение личности Толстого, через которое Шестов обнаруживает настоящую (как ему кажется) веру писателя.

Евангелие Толстого

После знакомства с сочинениями Мартина Лютера шестовская критика разума становится более резкой. Теперь философа интересует не трагедия морали и добродетели в их столкновении с жизнью, а трагедия истины, которая заключается в противоречии истины веры и истины разума.

В более поздних сочинениях Шестова Толстой — это не торжествующий проповедник, а непокорный борец с неумолимой действительностью, и «измученный, растерянный, испуганный, изнемогающий» [Шестов, 1996 б, с. 335] человек, переживающий острые внутренние кризисы. Шестов подробно анализирует состояния писателя, когда он соприкасается с ужасами существования, со смертью и в то же время — с «мирами иными». Из каждого кризиса, считает Шестов, Толстой приносит новую истину, новый мир и новую веру.

Несмотря на то что Толстой подходил к толкованию и критике Евангелия с позиции разума, а в его богословских сочинениях есть много «вольтеровского», т.е. разумного и общечеловеческого, в его понимании христианства есть и по-настоящему толстовское, т.е. презирающее разум. Разум, считает Шестов, не мог подсказать Толстому, что суть Евангельского учения нужно искать в самых загадочных словах Христа: «Вы слышали, что сказано древним: око за око, зуб за зуб. А Я вам говорю: не противьтесь злему»⁴, «т.е. именно в тех, с которыми разум никак сладить не может; которые разум отрицает всем своим существом» [там же, с. 342]. Шестов отмечает, что писатель-богослов понимает Нагорную проповедь по-своему, так, как никто не понимал до него, — т.е. буквально, вопреки традиционным интерпретациям, которые стремились совместить ее с требованиями обыденной жизни и разума.

С одной стороны, Толстой *принимает* слова Христа и не может от них отказаться: «Еще с детства, с тех пор, как я стал для себя читать Евангелие, — Шестов цитирует Толстого, — во всем Евангелии меня трогало и умиляло больше всего то учение Христа, в котором проповедуется любовь, смирение, унижение, самоотвержение и возмездие добром за зло. Такова и осталась для меня сущность христианства, то, что я сердцем любил в нем, то, во имя чего я, после отчаяния, признал истинным тот смысл, который придает жизни христианский трудовой народ» [цит. по: Шестов, 1996 б].

⁴ Ср.: Мф. 5:38.

С другой стороны, Толстой не может отказаться и от желания *понять и объяснить* учение Христа разумом. Шестов пишет: «...когда Толстой, весь охваченный трепетом ужаса и радости, идет к своей “таинственной книге” и, вопреки тысячелетним традициям и сложившимся “догмам”, находит в ней слова, опрокидывающие весь строй нашей внутренней и внешней жизни, — мы поражаемся его силой и величием. Мы начинаем думать, что и в самом деле на него сошла благодать, что он сподобился почувствовать дыхание Бога, его восторг сообщается нам, и мы с затаенным дыханием ждем. Но, — увы! — человек, даже величайший человек, остается человеком...» [там же, с. 346].

Согласуясь с истинами разума, Толстой цитатами из Евангелия пытается *доказать*, что Христос пришел для того, чтобы научить людей, как лучше устроиться на земле. В сочинении «В чем моя вера?» он пишет: «Христос учит *не спасению верой* или аскетизму... но он учит жизни такой, при которой, кроме спасения от погибели личной жизни, еще и здесь, в этом мире, меньше страданий и больше радостей, чем при жизни личной»; и еще: «Учение Христа имеет и самый простой, ясный, практический смысл для жизни каждого отдельного человека. Этот смысл можно выразить так: Христос учил людей не делать глупостей. В этом состоит самый простой, всем доступный смысл учения Христа» [цит. по: там же, с. 347].

Таким образом, отмечает Шестов, «в Толстом наблюдается органическое соединение двух, по-видимому, совершенно несоединимых душ» [там же, с. 349]. С одной стороны, он — пророк, готовый последовать примеру Авраама и Иезекииля, и «сродниться с безумием» и «вызвать на смертный бой здравый смысл» [там же, с. 349] — такой он в периоды кризисов: выпавший из обыденности, утративший всякие основания, но обретший веру (то, «что выводит нас из нашего обычного равновесия <...>, что отнимает у нас радости, сон, правила, убеждения и твердость» [там же, с. 353], согласно Шестову, и есть вера, которая не имеет прямого отношения к христианству). С другой стороны, Толстой — судорожно держащийся за рациональные истины проповедник, который, подобно Великому инквизитору Достоевского, «учит людей надеяться, что религия есть как раз то, что помогает нам устраивать свою жизнь» [там же, с. 349].

В своей последней статье о Толстом («Ясная Поляна и Астапово», 1935) Шестов рассуждает о том, как жил и как умер писатель. В Ясной Поляне в освещенных и убранных цветами комнатах звучит музыка, слышны учтивые французские фразы; в Астапово совершает бегство глава семьи, гонимый беспричинными, безумными страхами. В Ясной Поляне писатель творил и проповедовал;

там он жил в мире общем для всех. В Астапово его привели «откровения смерти»; он оказался там, потому что, подобно Аврааму, не знал, куда идет. Смерть открыла ему, что «наша жизнь есть смерть», а «наша смерть — есть жизнь или начало жизни» [Шестов, 1993, с. 117]. Эти два места символизируют для Шестова два полюса жизни Толстого: его Афины, т.е. покорность истинам разума, отдаляющих от божественного, и Иерусалим — образ ничем не ограниченной свободы, веры и непосредственных отношений с Богом.

Встреча

В воспоминаниях Максима Горького сохранился отзыв Толстого на книгу Шестова. Открыв книгу «Добро в учении графа Толстого и Ницше», Толстой, как рассказывает Горький, «засмеялся и сказал: “Вот какой смелый парикмахер, так прямо и пишет, что я обманул себя, значит, — и других обманул. Ведь это ясно выходит...”» [цит. по: Баранова-Шестова, 1983, с. 106]. И далее: «Нельзя, говорит, жить, глядя на страшные призраки, — он-то откуда знает, лезья или нельзя? Ведь если бы он знал, видел бы призраки, — пустяков не писал бы, а занялся бы серьезным, чем всю жизнь занимался Будда» [цит. по: там же, с. 106–107].

2 марта 1910 года Толстой принял Шестова в Ясной Поляне и долго с ним беседовал. После беседы он записал в дневнике: «Приехал Шестов. Мало интересен — “литератор” и никак не философ» [Толстой, 1934, с. 21]. Секретарь писателя В. Ф. Булгаков приводит отзыв Толстого о Шестове: «Одни думают для себя, другие думают для публики. Так он думает для публики» [цит. по: там же, с. 331]. Толстой не распознал в исканиях Шестова философских мыслей — в его словах писатель услышал только декадентское пустословие.

Впечатления о встрече с Толстым были переданы Г. Л. Ловцким со слов Шестова: «Он говорил, что Л. Н. Толстой был уже “весь в прошлом”, — грандиозный, мифический мудрец. Лев Исаакович попытался изложить ему учение Ницше и показать истинную картину мучительных переживаний немецкого мыслителя: за проповедью жестокости, за прославлением “сверхчеловека”, за требованием героических подвигов в стиле Цезаря Борджия скрывался мучительный личный трагический опыт философа. <...> Лев Николаевич Толстой, выслушав в передаче Шестова все это, сказал: — “Да ведь это в высшей степени нравственно”, — как будто мимо его ушей прошло, что здесь как раз ставится проблема о происхождении добра и зла. <...> Но обо всем этом трагическом опыте было

бесполезно разговаривать с яснополянским отшельником» [цит. по: Баранова-Шестова, 1983, с. 107–108]. Разговор с Толстым не получился, о чем очень сожалел Шестов.

Встреча Шестова с Толстым была устроена В. Г. Малахиейвой-Мирович, сотрудницей журнала «Русская мысль» и близким другом Шестова. В своем дневнике она пересказывает сон Шестова, которым с ней поделился философ: «В ночь, после того дня, когда я ездил в Ясную Поляну, после двухчасового разговора с Толстым — об Анне Каренине и Воскресении, и о рассказах для народа — снится мне, что я опять в кабинете Толстого. Но это другой кабинет. И тоже — Ясная Поляна — только другая, настоящая. И он сам другой — настоящий. И говорили мы о том, что вчера, но без слов — и тоже по-настоящему» [Громова, 2021, с. 159].

Шестов воспитывался на том типе литературности, который возник в рамках классической русской литературной критики. При этом зрелый Шестов принадлежит эпохе Серебряного века с его модернистским нарративом. Видимо, такой тип философствования был чужд и непонятен Толстому — человеку эпохи «реализма»: для него философия, религия, литература должны были иметь связь с действительностью, в том числе в форме морализирования. В свою очередь Шестов критикует Толстого (как и многих других своих героев) именно за проповедь и назидание, т.е. за то, что связывало творчество с действительностью и историей и оказывалось за границей области литературы [см.: Паперный, 2005].

Толстой для Шестова — подпольный человек. Рассказы «Записки сумасшедшего», «И свет во тьме светит», «Смерть Ивана Ильича», «Хозяин и работник», «Отец Сергей», по мнению Шестова, написаны «подпольным» Толстым. В «Воине и мире» Шестов также находит подтверждение близости писателю идеалов подпольного человека: «Гр. Толстой везде, где только может, напоминает нам, что для лучших людей 12-го года несчастья России значили меньше, чем их собственные, личные огорчения» [Шестов, 1996 а, с. 355]. Николай Ростов и княжна Марья могут лишь «говорить притворно» о войне как о «великой трагедии», разыгрывающейся на их глазах; по мнению Шестова, и княжна Марья, и Николай Ростов в сущности говорят именно так, как говорил «человек из подполья»: «России ли погнубить или мне чаю не пить? Я скажу — пусть себе гибнет Россия, а чтоб мне чай был» [Шестов, 1996 а, с. 355]. Когда Толстой выходит из тьмы подполья, он начинает проповедовать и неизбежно становится нетерпимым и требовательным, однако жестокость, о которой

пишет Шестов, носит также всецело литературный характер, и страдают от нее — герои его романов. Шестов отождествляет личный опыт Толстого с тем, о чем говорится в его сочинениях, таким образом опыт и образ Толстого оказываются заключенными в рамки литературы, т.е. остаются исключительно литературными [см.: Паперный, 2005]. Возможно, именно поэтому встреча и разговор Шестова с настоящим Толстым так и не состоялись.

Список литературы

- Читатель <Шестов Л.>, 1896 а — *Читатель <Шестов Л.>*. Журнальное обозрение (Идеализм и символизм «Северного Вестника») // Жизнь и искусство. 1896. № 67.
- Черный <Шестов Л.>, 1895 — *Черный <Шестов Л.>*. Вопросы совести // Жизнь и искусство. 1895. № 336. 5 декабря.
- Читатель <Шестов Л.>, 1896 б — *Читатель <Шестов Л.>*. Журнальное обозрение // Жизнь и искусство. 1896. № 9. 9 января.
- Шестов, 1996 а — *Шестов Л. И.* Сочинения: в 2 т. Т. 1. Томск: Водолей, 1996. 512 с.
- Шестов, 1996 б — *Шестов Л. И.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. Томск: Водолей, 1996. 448 с.
- Шестов, 1993 — *Шестов Л. И.* Сочинения: в 2 т. Т. 2. М.: Наука, 1993. 558 с.
- Громова, 2021 — *Громова Н. А.* Потусторонний друг. История любви Льва Шестова и Варвары Малахиейвой-Мирович в письмах и документах. М.: Издательство АСТ; Редакция Елены Шубиной, 2021. 431 с.
- Бердяев, 2016 — *Бердяев Н. А.* Трагедия и обыденность (Л. Шестов. «Достоевский и Ницше» и «Апофеоз беспочвенности») // Л. И. Шестов: pro et contra, антология / сост., вступ. статья, комментарии Т. Г. Щедриной. СПб.: РХГА, 2016. С. 80–104.
- Паперный, 2005 — *Паперный В. М.* Лев Шестов: религиозная философия как литературная критика и как литература // Toronto Slavic Quarterly. 2005. No 12. Spring. URL: <http://sites.utoronto.ca/tsq/12/paperni12.shtml> (дата обращения: 22.10.2021).
- Толстой, 1934 — *Толстой Л. Н.* Полное собрание сочинений: в 90 т. Т. 58. Дневники и записные книжки 1910. М.; Л.: Художественная литература, 1934. 692 с.
- Баранова-Шестова, 1983 — *Баранова-Шестова Н. Л.* Жизнь Льва Шестова. По переписке и воспоминаниям современников: в 2 т. Т. 1. Paris: La Presse Libre, 1983. 360 с.

Содержание

Предисловие 5

Раздел 1.

Лев Толстой и мировая философская мысль

Г. В. Алексеева

Бенджамин Франклин как представитель Американского Просвещения в восприятии Льва Толстого 9

К. В. Ворожжихина

Лев Шестов о вере Льва Толстого 15

О. А. Жукова

Писатель vs мыслитель: Николай Бердяев об учении Льва Толстого 26

Н. А. Касавина

Человек в его бытии-к-смерти 44

Д. А. Леонтьев

Жизнетворческие уроки Л. Н. Толстого 67

С. А. Нижников

Лев Толстой и Иммануил Кант: pro et contra 87

С. В. Панов, С. Н. Ивашкин

Руссо, Толстой, Достоевский: аффективная природа и прагматика романа 110

Раздел 2.

Религиозно-нравственные поиски

Р. Г. Апресян

Трудность милосердия. Практический опыт благотворительности Льва Толстого: сомнения, разъяснения, надежды 129

И. И. Евлампиев

От «Войны и мира» к религиозному учению: размышления о причинах перелома в мировоззрении Л. Н. Толстого 144

М. Л. Гельфонд

Антропология Л. Н. Толстого: манифест отречения от личности 165

Ю. В. Прокопчук

Религиозность Льва Толстого и Альберта Швейцера 178

Раздел 3.

Художественное творчество Льва Толстого в оптике философского исследования

Л. А. Булавка-Бузгалина

Анна Каренина: иметь или быть? Контрапункты трагедии (перечитывая Льва Толстого) 197

И. Ю. Матвеева

Царство Божье на земле и путь к нему: модернистская эстетика на службе религиозной философии в поздних произведениях Л. Н. Толстого 232

А. К. Куликов

Проблема судьбы и героизма у М. Ю. Лермонтова и Л. Н. Толстого 260

Ю. В. Прокопчук

«Роман о русских богатырях»: загадки неоконченного произведения Л. Н. Толстого 276

И. Н. Сиземская

Л. Н. Толстой об исторической необходимости и воле масс в истории 282

Сведения об авторах 298

Указатель имен. Составитель *Е. Н. Балашова* 300

**Лев Толстой:
философская перспектива**

Серийное оформление: П.П. Ефремов
Макет и дизайн обложки Л.В. Лобанова
Редактор библиографии Е.Н. Балашова
Корректор: М.П. Крыжановская

По издательским вопросам обращаться:
«Центр гуманитарных инициатив»
e-mail: unikniga@yandex.ru. Руководитель центра Соснов П.В.

Комплектование библиотек, оптовая продажа в России и странах СНГ
ООО «Университетская книга-СПб»
«Университетская книга-СПб» предлагает книготорговым организациям,
библиотекам и простым читателям широкий ассортимент книг по всему
спектру гуманитарных наук – философии, филологии, лингвистики,
истории, социологии и политологии. Продукцию ведущих гуманитарных
научных издательств Санкт-Петербурга и России вы можете
приобрести у нас по издательским ценам.

Контакты:
в Санкт-Петербурге
Тел. (812) 640-08–71, e-mail: ukniga4@mail.ru

Подписано к печати 20.10.2022. Формат 60x90 1/16. Заказ №. 1015
Усл. печ. л. 19,25.
Тираж 500 экз.

Отпечатано в полном соответствии с качеством предоставленного оригинал-макета
в Акционерном обществе «Т8 Издательские Технологии»
109316, Москва, Волгоградский проспект, дом 42, корпус 5.
Тел.: 8 (495) 221–89–80